

Нет среди властителей Руси в допетровское время личности более противоречивой и спорной, чем Иоанн IV.

Сочетание в его характере самых противоположных свойств, яркость и трагизм событий того времени и, наконец, значительное усиление Русского государства во времена его правления — все это по сей день привлекает к «Грозному царю» интерес историков, художников, писателей.

Воображение людей всегда поражала его жестокость, сведения о которой сохранили отнюдь не беспристрастные свидетельства современников — русских бояр, пострадавших от опричнины, и иностранцев, со страхом наблюдавших рост могущества Московского государства. Но бесспорные факты говорят и о большом уме царя, о широте и мудрости его реформ, о смелости и дальновидности внешней политики.

Историограф Николай Карамзин посвятил царствованию Иоанна IV два тома своего эпохального труда «История государства Российского», избранные фрагменты которого мы предлагаем вниманию наших читателей.

94

Желая уподобиться во всем великому Иоанну III — желая, по его собственному слову, быть *Царем правды*, — он не только острит меч на врагов иноплемennых, но в цветущей юности лет занялся и тем важным делом государственным, для коего в самые просвещенные времена требуется необыкновенных усилий разума и коим немногие Венценосцы приобрели истинную, бессмертную славу: законодательством. Окруженный сонмом Бояр и других мужей, сведущих в искусстве гражданском, Царь предложил им рассмотреть, дополнить Уложение Иоанна III согласно с новыми опытами, с новыми потребностями России в ее гражданской и государственной деятельности. Вышел *Судебник* (в 1550 году), или *вторая Русская Правда*, вторая полная система наших древних законов... Иоанн и добрые его советники искали в труде своем не блеска, не суетной славы, а верной, явной пользы, с ревностною любовью к справедливости, к благоустройству; не действовали воображением, умом не обгоняли настоящего порядком вещей, не терялись мыслями в возможностях будущего, но смотрели вокруг себя, исправляли злоупотребления, не изменяя главной, древней основы законодательства; все оставили, как было и чем народ казался довольным...

...Государь, устроив Державу, предложил Святителям устроить Церковь: исправить не только обряды ее, книги, искажаемые писцами-невеждами, но и самые нравы Духовенства в пример мирянам; учением образовать достойных служителей алтаря; уставить правила благочиния, которое должно быть соблюдаемо в храмах Божних; искоренить соблазн в монастырях, очистить Христианство Российское от всех остатков древнего язычества, и проч.

К сим, можно сказать, великим намерениям Иоанна принадлежит и замысел его обогатить Россию плодами искусств чужеземных. Саксонец Шлитт в 1547 году был в Москве, выучился языку нашему, имел доступ к Царю и говорил с ним об успехах художеств, наук в Германии, неизвестных Россиянам. Иоанн слушал, расспрашивал его с любопытством и предложил ему ехать от нас Посланником в Немецкую землю, чтобы вывезти оттуда в Москву не только ремесленников, художников, лекарей, аптекарей, типографщиков, но и людей искусных в древних и в новых языках — даже феологов!

Громкое имя *покорителя Царств* дало Иоанну, в глазах Россиян-современников, беспримерное величие и возвысило их государственное достоинство, пленяя честолюбие, питая гордость народную, удивительную для иноземцев, которые не понимали ее причины, ибо видели только гражданские недостатки наши в сравнении с другими Европейскими народами и не сравнивали России Василия Темного с Россией Иоанна IV: первый имел только 1500 воинов для ее защиты, а второй взял чуждое Царство отрядам легкого войска, не трогая своих главных

«Иван Грозный» — первая большая работа Марка Антокольского, за которую совет Императорской Академии художеств присудил ему звание академика. Статуя произвела огромное впечатление на Александра II и была им приобретена. 1871 год.

«Венчание на царство». Древнерусская миниатюра.

В младенчестве Иоанн IV не был венчан на царство, а только благословлен митрополитом. Но в шестнадцать лет государь объявил митрополиту Макарию и боярам о своем решении венчаться «царским венцом».

Великий князь Московский Иоанн IV венчался на царство в Успенском соборе Московского Кремля и принял новый титул «царя и великого князя всея Руси».

Между сими происшествиями минуло едва столетие, и народ мог естественно возгордиться столь быстрыми шагами к величию. Не только иноземцы, но и мы сами не оценим справедливо государственных успехов древней России, если не выйдем в обстоятельства тех времен, не поставим себя на месте предков и не будем смотреть их глазами на вещи и деяния, без обманчивого соображения с новейшими временами, когда все изменилось, умножились средства, прозябли семена и насаждения. Великие усилия рождают великое: а в творениях государственных начало едва ли не труднее совершения.

Вероятно ли, чтобы Государь любимый, обожаемый, мог с такой высоты блага, счастья, славы, низвергнуться в бездну ужасов тиранства? Но свидетельства добра и зла равно убедительны, неопровержимы; остается только представить сей удивительный феномен в его постепенных изменениях.

Не вдруг конечно рассвирепела душа, некогда благолюбивая: успехи добра и зла бывают постепенны; но Летописцы не могли проникнуть в ее внутренность; не могли видеть в ней борения совести с мятежными страстями: видели только дела ужасные, и называют тиранство Иоанново *чуждою бурей*, как бы из недр Ада посланною возмутить, истерзать Россию. Оно началось гонением всех ближних Адашева: их лишали собственности, ссылали в места дальние. Народ жалел о невинных, проклиная ласкателей, но

вых советников Царских; а Царь злобился и хотел мерами жестокими унять дерзость. Жена знатная, именем Мария, славилась в Москве Христианскими добродетелями и дружбою Адашева: сказали, что она ненавидит и мыслит чародейством извести Царя: ее казнили вместе с пятью сыновьями; а скоро и многих иных, обвиняемых в том же... <...> Угождая несчастному расположению души Иоанновой, явились толпы доносителей. Подслушивали тихие разговоры в семействах, между друзьями; смотрели на лица, угадывали тайну мыслей, и гнусные клеветники не боялись выдумывать преступлений, ибо доносцы нравились Государю и судия не требовал улик верных.

Москва цепенела в страхе. Кровь лилася; в темницах, в монастырях стонали жертвы; но... тиранство еще созревало: настоящее ужасало будущим! Нет исправления для мучителя, всегда более и более подозрительного, более и более свирепого; кровопийство не утоляет, но усиливает жажду крови: оно делается лютейшею из страстей, неизъяснимою для ума, ибо есть безумие, казнь народов и самого тирана. — Любопытно видеть, как сей Государь, до конца жизни усердный читатель Христианского Закона, хотел соглашать его Божественное учение с своею неслыханною жестокостию: то оправдывал оную в виде правосудия, утверждая, что все ее мученики были изменники, чародеи, враги Христа и России; то смиренно винился пред Богом и людьми, называя себя *гнусным убийцею невинных*, приказывал молиться за них в святых храмах, но утешался надеждою, что искреннее раскаяние будет ему спасением, и что он, сложив с себя земное величие, в мирной обители Св. Кирилла Белозерского со временем будет примерным Иноком! Так писал Иоанн к Князю Андрею Курбскому и к начальникам любимых им монастырей, во свидетельство, что глас неумолимой совести тревожил мутный сон души его, готовя ее к внезапному, страшному пробуждению в могиле!

Он был велик ростом, строен; имел высокие плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие, серые, но светлые, пронизательные, исполненные огня, и лицо некогда приятное. В сие время он так изменился, что нельзя было узнать его: на лице изображалась мрачная свирепость; все черты исказились; взор угас; а на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса, от неизъяснимого действия ярости, которая кипела в душе его. Снова исчислив вины Бояр и подтвердив согласие остаться Царем, Иоанн много рассуждал о должности Венценосцев блюсти спокойствие Держав, брать все нужные для того меры — о кратковременности жизни, о необходимости видеть далее гроба, и предложил устав *опричнины*: имя, дотоле неизвестное! Иоанн сказал, что он для своей и государственной безопасности учреждает особенных телохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его неверчивость, боязливость, свойственную нечистой совести...

Скоро увидели, что Иоанн предает всю Россию в жертву своим опричным: они были всегда правы в судах, а на них не было ни суда, ни управы. Опричник или *кромешник* — так стали называть их, как бы извергов тьмы *кромешней* — мог безопасно теснить, грабить соседа, и в случае жалобы брал с него пеню за бесчестье. <...> Одним словом, люди земские, от Дворянина до мещанина, были безгласны,

«Осада Казани в 1552 году». С картины Владимира Бодрова. 1956 год.

Николай Карамзин писал об осаде Казани: «...она, вместе с Мамаевою битвою, до самых наших времен живет в памяти народа как славнейший подвиг древности, известный всем Россиянам, и в чертогах и в хижинах».

Большая государственная печать Ивана Грозного. Она употреблялась только в сфере внешних сношений. После 1577 года.

безответны против опричных; первые были ловом, последние ловцами, и единственно для того, чтобы Иоанн мог надеяться на усердие своих разбойников-телохранителей в новых, замышляемых им убийствах. Чем более Государство ненавидело опричных, тем более Государь имел к ним доверенности: сия общая ненависть служила ему залогом их верности. Но смерть казалась тогда уже легкою: жертвы часто требовали ее как милости. Невозможно без трепета читать в записках современных о всех адских вымыслах тиранства, о всех способах терзать человечество. Мы упоминали о сковородах; сверх того были сделаны для мук особенные печи, железные клещи, острые ногти, длинные иглы; разрезывали людей по

ждали умиловления, но не боялись и смерти, утешаясь мыслию, что есть другое бытие для счастья добродетели и что земное служит ей только искушением; гибли, но спасли нас могущество России: ибо сила народного повиновения есть сила государственная. Так Иоанн имел разум превосходный, не чуждый образования и сведений, соединенный с необыкновенным даром слова, чтобы бесстыдно раболепствовать гнуснейшим похотям. Имея редкую память, знал наизусть Библию, историю Греческую, Римскую, нашего отечества, чтобы нелепо толковать их в пользу тиранства; хвалился твердостью и властью над собою, умея громко смеяться в часы страха и

96

«Послы Ермака бьют челом царю Ивану Грозному, принося покоренное Ермаком Царство Сибирское». С картины Станислава Ростворовского. 1885 год.
С вестью о разгроме хана Кучума Ермак направил в Москву своего атамана Ивана Кольцо и шесть казаков. В челобитной грамоте царю он сообщал о взятии Сибирского царства и столицы Искер, а также просил прощения за учиненные прежде им самим и его товарищами разбои.

составам, перетирали тонкими веревками надвое, сдирали кожу, выкраивали ремни из спины...
Таков был Царь; таковы были подданные! Ему ли, им ли должны мы наиболее удивляться? Если он не всех превзошел в мучительстве, то они превзошли всех в терпении, ибо считали власть Государеву властью Божественною и всякое сопротивление беззаконием; приписывали тиранство Иоанново гневу небесному и калялись в грехах своих; с верою, с надеждою

беспокойства внутреннего, хвалился милостию и щедростию, обогащая любимцев достоянием опальных Бояр и граждан; хвалился правосудием, карая вместе, с равным удовольствием, и заслуги и преступления...
Но отдадим справедливость и тирану: Иоанн в самых крайностях зла является как бы призраком Великого Монарха, ревностный, неутомимый, часто проницательный в государственной деятельности; хотя лю-

97

...Иоанн оставил России войско, какого она не имела дотеле: лучше устроенное и многочисленнее прежнего; истребил Воевод славнейших, но не истребил доблести в воинах, которые... в защите городов не думают о жизни: хладнокровно становятся на места убитых или взорванных действием подкопа и заграждают проломы грудью; день и ночь сражаясь, едят один хлеб; умирают от голода, но не сдаются, чтобы не изменить Царю-Государю, как самые жены мужествуют с ними, или гася огонь, или с высоты стен пуская бревна и камни в неприятелей. В поле же сии верные отечеству ратники отличались если не искусством, то хотя чудесным терпением, снося морозы, вьюги и ненастье под легкими наметами и в шалашах сквозящих.

Обогатив казну торговыми, городскими и земскими налогами, также и присвоением церковного имени, чтобы умножить войско, завести арсеналы (где находилось всегда в готовности не менее двух тысяч осадных и полевых орудий), строить крепости, палаты, храмы, Иоанн любил употреблять избыток доходов и на роскошь: мы говорили об удивлении иноземцев, видевших в казне Московской груды жемчугу, горы золота и серебра во дворце, блестящие собрания, обеды, за коими в течение пяти, шести часов пресыщалось 600 или 700 гостей, не только изобильными, но и дорогими яствами, плодами и винами жарких, отдаленных климатов...

В заключение скажем, что добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти: стена-ния умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмившись новейшими; но имя Иоанново блистало на Судебнике и напоминало приобретение трех Царств Могольских: доказательства дел ужасных

Да! Царство ваше – труд, свершенный Иоанном, Труд, выстраданный им в борьбе неустанным. И помните вы: все то, что строил он, – Он строил на века! Где – взвел до половины, Где – указал пути... И труд был довершен Уж подвигом Петра, умом Екатерины...

Апаллон Майков. «У гроба Грозного Царя»

«Опричники». С картины Николая Неврева. 1880-е годы.
«Затейливый ум Иоаннов избрал достойный символ для своих ревностных слуг: они ездили всегда с собачьими головами и с метлами, привязанными к седлам, в ознаменование того, что грызут лиходеи Царских и метут Россию!» — писал Николай Карамзин.

лежали в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы Царя-Завоевателя; чтит в нем знаменитого виновника нашей государственной силы, нашего гражданского образования; отвергнул или забыл название Мучителя, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой донны именует его только Грозным, не различая внука с дедом, так названным древнею Россиею более в хвалу, нежели в укоризну. История злопаметнее народа! ■

Справа выше. Соборный приговор 1580 года об ограничении монастырских землевладений (фрагмент).

Ниже. Судебник 1550 года. Статьи об условиях выхода крестьян в Юрьев день (26 ноября по старому стилю). За две недели до этого дня и неделю после него крестьянам на Руси дозволено было переходить от одного землевладельца к другому.

